

*Памяти неутомимого и само-
отверженного исследователя
Дальнего Востока, выдающего-
ся путешественника и ученого,
открывшего для мировой науки
неведомые страницы геогра-
фии и этнографии этой обшир-
ной части Советского Союза,
большого друга малых народов
Приморья*

*Владимира Клавдиевича
Арсеньева*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАСЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Ю. В. Маретин

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТРУДОВ В. К. АРСЕНЬЕВА

История изучения Приморья насчитывает более трехсот лет. Исследования Владимира Клавдиевича Арсеньева занимают в ней особое место потому, что являются блестящим итогом всего ее дореволюционного периода и началом ее нового, советского этапа. На долю В. К. Арсеньева выпало трудное счастье стать связующим звеном между старой научной школой (среди представителей которой блистают такие имена, как М. И. Венюков, Р. К. Маак, Л. И. Шренк, С. В. Максимов, Н. М. Пржевальский, А. Ф. Усольцев, В. П. Маргаритов, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. Унтербергер [2]) и формирующейся новой, советской школой, призванной решать совершенно новые задачи — задачи социалистического переустройства края. В. К. Арсеньев сумел понять эти новые задачи и, не утратив лучшего из традиций старой школы, стать основателем новой, советской школы изучения Дальнего Востока.

Именно в таком широком историческом контексте можно наиболее полно и отчетливо представить значение вклада В. К. Арсеньева в русскую и советскую науку и историю.

Если раскрыть подробно все то, чем занимался Владимир Клавдиевич Арсеньев, то перед нами предстанет удивительно многогранная личность¹. Он географ, причем широкого профиля — топограф и топонимист, геолог и метеоролог; он ботаник и зоолог, собиравший в каждой своей поездке богатые и разнообразные натуралистические коллекции; он специалист и более узкого направления — орнитолог и охотовед; он этнограф во всем объемном значении этого слова; он археолог, историк и экономист. Он не просто географ-путешественник, но путешественник-практик, блестяще выполнивший, особенно после установления Советской власти, задания различных учреждений —

---

¹ Биограф В. К. Арсеньева проф. Н. Е. Кабанов выделяет следующие аспекты работы ученого: «краеведение»; «топография»; «этнография»; «археология и история»; «флора и растительность»; «фауна и охотоведение»; «экономика и народное хозяйство»; «литературно-художественные произведения» [22, с. 38—66].

географические, этнографические, экономико-статистические, военно-стратегические, по определению условий для прокладки железнодорожных путей в самых отдаленных районах Дальнего Востока. Он широко известен как замечательный писатель и популярный лектор. Кроме того, В. К. Арсеньев много лет был директором Хабаровского музея, исполнял ряд других административных обязанностей, занимал важные общественные посты. Он более 20 лет с честью носил военный мундир (пройдя путь от вольноопределяющегося до подполковника) и имел ряд государственных наград. Двенадцать крупных, часто сопряженных с неоднократным риском для жизни экспедиций в неизведанные дебри Приморья и другие районы советского Дальнего Востока [22, с. 30—37]²; многие сотни ценнейших предметов, собранных им и переданных в этнографические коллекции музеев России, а затем СССР, огромная профессорско-преподавательская и просветительская работа; более 60 опубликованных работ [21], многие из которых заслужили мировое признание и ряд которых еще найдет его (например, исторические работы). Вот неполный перечень вклада В. К. Арсеньева в отечественную и мировую науку и культуру.

Создание полной, научно выверенной биографии ученого — первая и неотложная задача, стоящая перед исследователями его жизни и деятельности. Однако в биографии этого человека, имя которого широко известно и в нашей стране, и за ее пределами, произведения которого неоднократно переиздаются, есть много «белых пятен». Известный писатель и краевед Е. Д. Петряев даже в 1962 г. отмечал, что только еще предстоит «написать летопись жизни и творчества В. К. Арсеньева» [36, с. 169]. С того времени появилось множество новых публикаций — это и наследие самого В. К. Арсеньева, и материалы лиц, его знавших, и работы позднейших исследователей. Но и в 1977 г. И. Кузьмичев имел право сказать: «Научная биография В. К. Арсеньева пока не написана, и исследователя, который возьмется ее написать, ждут немалые трудности» [26, с. 9]. До сих пор известны не все даты, есть ощутимые пробелы в нашем знании самих фактов. Но главная трудность, как нам представляется, — определение правильного подхода ко всему комплексу аспектов деятельности этого столь разностороннего человека, ведь любой узкопрофессиональный подход, несомненно, даст лишь часть картины. А рассказать с достоверностью только об ученом и путешественнике недостаточно, потому что надо говорить и об Арсеньеве — гражданине, патрио-

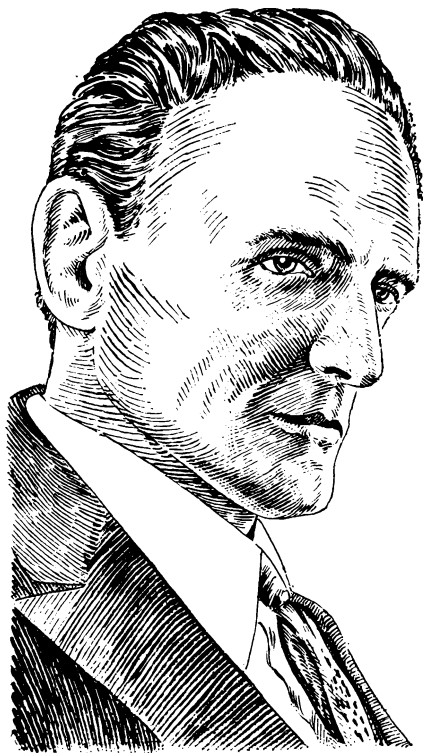
---

² В. К. Арсеньев вынашивал планы и других экспедиций — в Центральную Азию, а также на крайний ее северо-восток. Именно об этом он писал известному гидрографу генералу М. Е. Жданко [19, 1974, № 9, с. 136. Публикация А. И. Тарасовой].

те, «великом труженике России» [19, 1974, № 9, с. 136], Арсеньеве-человеке.

Среди «белых пятен» — некоторые из важных дат жизни В. К. Арсеньева. Одна из них — время его прибытия на Дальний Восток. В. Г. Виноградов и С. Ш. Бурнатная в своей публикации называют дату — 5(17) августа 1900 г. [15, с. 16]. Поскольку ссылаются они на послужной список В. К. Арсеньева, т. е. на вполне официальный документ, время прибытия надо считать установленным. Однако остаются некоторые сомнения. И не только потому, что ранние биографы В. К. Арсеньева, знавшие его лично (Ф. Ф. Аристов, Н. Е. Кабанов, М. К. Азадовский), называли датой прибытия 1899 г., но и потому, что некоторые письма ученого дают повод считать этот год временем приезда его на Дальний Восток (см., например, настоящий том, с. 21). Ошибки ли это ранних биографов? Или чья-нибудь описка, вошедшая в литературу? Или есть какая-то неточность (случайная или преднамеренная) в послужном списке? И нужно ли исключать возможность прибытия В. К. Арсеньева в тот или иной пункт Дальнего Востока в 1899 г., а временем окончательного обоснования во Владивостоке, после исполнения тех или иных служебных поручений, считать 1900 г.? Полагаем, что дальнейшие изыскания помогут окончательно снять сомнения относительно этой даты (хотя нам она не кажется принципиально важной для понимания личности Арсеньева).

Другая, спорная до недавнего времени дата — время *первой* встречи с Дерсу Узала. Сейчас эту встречу относят не к 1902 г., как это делали ранее (подробнее об этом см. в настоящем томе, с. 30—31), а к 1906 г. Биографов смущали слова самого В. К. Арсеньева в его предисловии к книге «Дерсу Узала» о том, что встречи с Дерсу были в 1902 и 1907 гг. Слова эти поддерживали авторы первых биографических очерков об ученом. Однако Г. Г. Пермяков в 1965 г., ссылаясь на не опубликованные тогда дневниковые записи путешественника, храня-

В. К. Арсеньев

щиеся в Архиве Приморского филиала Географического общества СССР, утверждал, что первая встреча В. К. Арсеньева и Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г. [33, с. 135—136]. Позднее эти дневниковые записи были опубликованы Л. И. и Ю. А. Семами [19, 1972, № 8, с. 128—146 и № 9, с. 114—135]. Как совместить эти противоречивые утверждения самого В. К. Арсеньева?

В. К. Арсеньев, задумав создать документально-художественное произведение, должен был ввести своего главного героя — Дерсу Узала — в ткань повествования как старого знакомого, что, несомненно, способствовало бы художественной достоверности и облегчало автору некоторые сюжетные и психологические повороты. Так появился первый набросок, который и был занесен в дневник 1906 г., но под другой датой. Кстати сказать, дата эта четырежды переправлялась автором: «однажды»; «в 1901 г.»; снова «однажды»; наконец, сбоку приписано: «1902». Даже месяц встречи дважды исправлялся (подробнее см. в книге И. Кузьмичева [26, с. 146—150])³. В беседе с М. М. Пришвиным в 1928 г. В. К. Арсеньев говорил, что «материал сам подсказывал автору необходимость перетасовывать события во времени ради их художественной убедительности» [40, с. 192]. Н. Е. Кабанов пишет в биографии В. К. Арсеньева: «Сам Арсеньев говорил... знакомым, что когда он писал свои книги, то испытывал много затруднений в изложении фактов, когда для художественной цельности нужно было с одного года перенести события на другой или когда со среды, скажем, перенести на четверг и т. д.» [22, с. 63]. Наконец, А. И. Тарасова пишет: «Работал В. К. Арсеньев над дневниками всю жизнь: дополнял их новыми материалами, вносил поправки в старые записи, подчеркивал или отмечал нужные места для выписок, сверял прежние наблюдения с новыми. Вследствие этого дневники теряли свой первоначальный вид и назначение. По этой же причине усложняется датировка многих записей, содержащихся в экспедиционных тетрадах» [45, с. 69]. Совершенно очевидно, что исследователи биографии В. К. Арсеньева нередко должны сопоставлять те или иные события, записи, даты со всем контекстом жизни и деятельности великого путешественника.

Перед биографами В. К. Арсеньева неизменно встает вопрос, какому из видов его многогранной деятельности отдать предпочтение. «Путешественник и натуралист» — так определяет его Н. Е. Кабанов [22, титульный лист], но он признает в В. К. Арсеньеве и «мастера художественного слова» [22, с. 66]; «Путешественник-энциклопедист», — уточнил М. К. Азадовский [1, с. 9],

---

³ Литературовед В. Г. Пузырев удачно сказал, что В. К. Арсеньеву нужно было «продлить» знакомство с Дерсу Узала для придания большего звучания его образу [41, с. 228].

но он же всячески подчеркивает научное значение его трудов [1, с. 34 и сл.] и их высокую литературную ценность [1, с. 38 и сл.], настаивая на том, что нельзя противопоставлять Арсеньева-путешественника Арсеньеву-писателю. Высочайшую оценку трудам и жизни В. К. Арсеньева дал первый его биограф — Ф. Ф. Аристов [4]. «Исследователь и певец земли дальневосточной», — пишет А. И. Тарасова [44]. «По праву писательской» называет судьбу В. К. Арсеньева И. Кузьмичев [26, с. 5]. Представляется вполне правильным определение М. В. Воробьева: «В. К. Арсеньев не нуждается в преувеличении своих заслуг и искусственном выпячивании одной стороны его деятельности в ущерб остальным, столь хорошо известным» [16, с. 546]. Задача, стоящая перед нынешними биографами В. К. Арсеньева, заключается именно в том, чтобы показать многосторонность натуры этого выдающегося человека и как следствие разнообразие его занятий и увлечений, проследить становление В. К. Арсеньева и как «путешественника-энциклопедиста», и как широкого исследователя, и как замечательного писателя.

Естественно, чем полнее будет список опубликованных работ самого ученого, чем больше из его рукописного и эпистолярного наследия будет введено в научный оборот, тем более облегчена будет задача создания его научной биографии. К сожалению, многое из написанного В. К. Арсеньевым еще не найдено, не выявлены в достаточной мере материалы, принадлежащие перу лиц, знавших путешественника; весьма значительное количество рукописей и писем, видимо, никогда не будет обнаружено: в 30-е и 40-е годы немалая часть архива исследователя погибла, часть оказалась рассеянной, так же как и архивы некоторых лиц и учреждений, с которыми был связан Владимир Клавдиевич [45; 46, с. 128—129, 136—137].

Не обнаружены до сих пор рукописи некоторых книг В. К. Арсеньева! Например, в издательском объявлении на второй странице обложки первого издания книги «Дерсу Узала» значилось, что готовы к печати книги «В горах Сихотэ-Алиня» и «Классификация памятников старины в Уссурийском крае». В объявлении названы еще пять работ, находившихся в подготовке к изданию: «Памятники старины в Уссурийском крае»; «Страна Удэхэ. Опыт этнографического исследования в Уссурийском крае»; «Экспедиция в горную область Янде-Янге в 1917 году»; «Теория и практика путешествий в Приамурье»; «Путешествие на Камчатку в 1918 г.» [6]. Об этих работах сообщает и Н. Е. Кабанов [22, с. 90]. И сам В. К. Арсеньев в своих письмах не раз говорит о них как о работах, находившихся на разной стадии завершения, поясняя, что административно-общественные нагрузки и необходимость уточнить ряд положений «в поле» задерживают их окончательное оформление. Мы не можем сейчас с достоверностью установить, на-

сколько завершены были эти работы, особенно если учесть чрезвычайную научную щепетильность Владимира Клавдиевича и его стремление дополнять и перепроверять свои наблюдения в полевых условиях; однако мы точно знаем, что у него был накоплен огромный материал, особенно касающийся удэхэ. Напомним, что он писал об этом материале Н. В. Кюннеру в 1928 г.: «Эта монография — цель моей жизни!» [14, с. 173]. По-видимому, полный вариант насчитывал не менее 700 страниц, а краткий (или часть полного? или варианты?) — около 200 страниц [46, с. 128—129]. Но из всего перечисленного выше лишь книга «В горах Сихотэ-Алиня» увидела свет в 1937 г., уже после кончины автора, да вышли отдельные фрагменты или тезисы других задуманных и, видимо, в значительной степени готовых работ.

Опубликованное эпистолярное наследие В. К. Арсеньева — лишь малая толика того, что было им написано. По мнению Е. Д. Петряева, В. К. Арсеньев ежемесячно писал 35—40 писем (т. е. до 300—400 писем в год [34, с. 308; 36, с. 171, 174]). Если же учесть, что среди его корреспондентов были виднейшие ученые (представители разных дисциплин), музейные работники, писатели, общественные деятели, административные работники, если вспомнить, что многим из них Владимир Клавдиевич оказал самую непосредственную практическую и научную помощь и в немалой степени влиял на формирование личности многих ученых и практических деятелей младшего поколения, то станет очевидным, какое множество фактов биографии В. К. Арсеньева могут обнаружить еще не опубликованные и не найденные письма.

Несомненно, научная биография В. К. Арсеньева должна отражать всю полноту научных связей ученого [16, с. 546]. Уместно назвать здесь основные имена, с тем чтобы представить основные линии его научных и дружеских связей. Это географы (в прежнем, широком значении этого слова, т. е. путешественники, натуралисты, часто историки и писатели) — Г. Н. Потанин, М. Е. Грум-Гржимайло, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. К. Козлов, Д. К. Анучин, Л. С. Берг, В. Л. Комаров, Ю. М. Шокальский, Ф. Ф. Аристов; это этнографы — Л. Я. Штернберг, С. И. Руденко, В. Г. Богораз, Е. Г. Кагаров, В. В. Богданов, М. К. Азадовский, А. Н. Максимов, А. М. и Л. М. Мерварт, Д. А. Клеменц, т. е. практически весь штат Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, Этнографического отдела Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР) и антропологического музея при Московском государственном университете; это краеведы, многие из которых были крупными учеными, — Н. А. Пальчевский [49], Н. В. Кирилов (см. о нем [19, 1951, № 2; 35]), С. Н. Ванков, В. П. Маргаритов, Н. В. Слюнин; это писатели —

А. А. Фадеев [47, с. 233], М. М. Пришвин [40], В. Б. Шкловский, В. Г. Лидин [29], В. Г. Финк [48]. Перечень корреспондентов В. К. Арсеньева — это прямой адрес, по которому нужно искать новые материалы о Владимире Клавдиевиче.

Собрать все, что сохранилось из эпистолярного наследия В. К. Арсеньева и лиц, его знавших, — неотложная задача. К этому призывал еще Н. Е. Кабанов [22, с. 74], затем Е. Д. Петряев [36, с. 169—174], А. И. Тарасова [46, с. 139]. Нужно отметить, что последние полтора десятилетия принесли некоторые успехи: если в шеститомнике «Сочинений» В. К. Арсеньева было опубликовано всего 12 писем [11, т. VI], а к 1963 г. опубликовано, по подсчетам А. И. Тарасовой (Васиной), 52 письма [10, с. 181], то к настоящему времени опубликовано еще несколько десятков ранее неизвестных писем В. К. Арсеньева и немалое число писем к нему (ряд таких материалов печатается в настоящем издании). Особенно велики здесь заслуги А. И. Тарасовой и Т. Ф. Аристовой. Несомненно, тема «Арсеньев и его корреспонденты» заслуживает специального внимания.

Ученые очень высоко ценили сделанное Владимиром Арсеньевым для науки и практики. Этнограф Е. Г. Кагаров, автор более 500 работ, одну из них прямо начинает с выражения благодарности В. К. Арсеньеву за помощь [23, с. 331]. Географ и ихтиолог Л. С. Берг свою монографию «Рыбы Амурского бассейна» писал, используя материалы В. К. Арсеньева [12], а известный орнитолог С. А. Бутурлин написал статью, целиком посвященную изучению сборов В. К. Арсеньева [13]. Сборы В. К. Арсеньева помогли зоологу С. И. Огневу описать новый вид уссурийской белки-летяги [32, с. 323—325]. В биогеографии Приморья есть «линия Арсеньева» [28]. «Для местной власти вы не человек, а клад, ибо вы все знаете и можете помочь в разъяснении наиболее запутанных вопросов», — писал В. К. Арсеньеву В. Л. Комаров (цит. по [20, с. 67]). Он же писал о первых книгах путешественника «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»: «Нельзя не отметить эти две книги... Великолепные картины природы и местной жизни, масса точных сведений... Обе книги чрезвычайно богаты интересным научным материалом» [25, с. 180]. На основании докладов, присылаемых В. К. Арсеньевым в Тихоокеанский комитет, было решено основать Дальневосточную секцию с этнологической комиссией при ней и пригласить «известного исследователя побережья Тихого океана В. К. Арсеньева возглавить работу комиссии» [14, с. 173—174].

Работы В. К. Арсеньева получили широкое признание за рубежом. Сам он писал Л. Я. Штернбергу: «Я имею многочисленные отзывы о [своих] книгах в самых лестных выражениях: от Нансена, Свен Гедина, Швейнфурта, Вегенера, имею множество писем из Африки, Южной Америки, Австралии и в осо-

бенности из Европы от разных ученых и этнографов» [9, с. 231]. Первые же три книги В. К. Арсеньева вышли в Берлине в переводе на немецкий сразу же после их публикации по-русски; его книги были переведены на многие иностранные языки. Вот что писал Ф. Нансен о Хабаровском музее, руководимом В. К. Арсеньевым, и о нем самом: «История и этнография страны были представлены наглядно; словом, здесь было чему поучиться под руководством знающего чичероне, каким явился знаток этих краев и бывалый путешественник капитан В. Арсеньев». По словам Ф. Нансена, в музее представлен «быт различных здешних туземцев, который капитан основательно изучил во время своих поездок» [30, с. 338, 339].

Особая тема — отзывы писателей о В. К. Арсеньеве. «Арсеньев стал писателем так же органически, как органической была его жизнь» (В. Лидин [29, с. 91]). «Прежде чем написать свои книги, Арсеньев их *прожил*» (И. Кузьмичев [26, с. 6]). Одни только эти высказывания, хотя и не касаются узкоспециальных вопросов литературно-художественного мастерства ученого, дают многое для понимания личности Арсеньева-писателя.

В связи с вопросом о взаимоотношениях В. К. Арсеньева с другими учеными и о роли тех или иных ученых в становлении и развитии Арсеньева-ученого, по-видимому, целесообразно в первую очередь остановиться на том, что дал науке, Родине, своим коллегам В. К. Арсеньев, а затем уже выяснять, кто и как на него влиял. К тому же вопрос об учителях и наставниках В. К. Арсеньева достаточно ясен и из биографий ученого, написанных Ф. Ф. Аристовым [4] и Н. Е. Кабановым [22], и из многочисленных работ Т. Ф. Аристовой и А. И. Тарасовой (Васиной), а главное — из собственных высказываний Владимира Клавдиевича. Меньше всего приходится опасаться, что значение того или иного ученого или того или иного учреждения в жизни В. К. Арсеньева окажется незамеченным или недооцененным: будучи в высшей степени щепетильным в науке и взаимоотношениях с коллегами, предельно требовательным к себе, В. К. Арсеньев скорее был склонен к самоуничижению, нежели к тому, чтобы умолчать о чьем-либо влиянии на него.

Между тем иногда появляются статьи, в которых «сознательно или нет, но этнографической деятельности В. К. Арсеньева придан несамостоятельный, школярский характер» [16, с. 543]. Некоторые авторы словно опасаются признать масштабность личности ученого, всегда самостоятельного и в человеческих проявлениях, и в науке; отсюда — стремление расчленить его научное наследие на элементы и каждый из них приписать тому или иному влиянию. Разумеется, подобный аналитический подход оправдан, если за ним следует синтез... К примеру, в одной из статей всячески подчеркивается роль ленинградских этнографов, и особенно Л. Я. Штернберга, в станов-

лении Арсеньева-ученого, и в частности Арсеньева-этнографа, и утверждается, что без Л. Я. Штернберга В. К. Арсеньеву угрожала бы «узость и опасная самоуверенность провинциального мышления» [38, с. 86]. Эти своеобразные «ленинградоцентризм» и «штернбергианство» понятны и естественны, когда речь идет о восстановлении изрядно забытых заслуг «ленинградской школы» в этнографии [18, с. 134—145] или значения ведущих ее представителей — Л. Я. Штернберга [17] или В. Г. Богораза [27]. Но они неоправданны, когда речь идет о таком выдающемся ученом, каким был В. К. Арсеньев.

Сам Л. Я. Штернберг многократно подчеркивал значение работ В. К. Арсеньева. Он писал: «То, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры» [32а, с. 103—106]. На наш взгляд, совершенно права А. И. Тарасова, когда пишет: «Переписка Л. Я. Штернберга и В. К. Арсеньева позволяет убедиться в том, что истинные их отношения носили характер скорее научного содружества, чем научного руководства одного другим» (настоящий сборник, с. 59—60; см. также статью С. И. Федина в настоящем томе, с. 32, 40, 44, 45).

Если говорить о влияниях на В. К. Арсеньева, то, разумеется, следует отметить роль ряда ученых и целых учреждений и обществ, прежде всего Русского географического общества. Но не следует забывать и о вкладе В. К. Арсеньева в научную деятельность многих специалистов, а также тот факт (иногда ускользающий!), что само Русское географическое общество обогатилось трудами В. К. Арсеньева, что деятельность ученого стала одной из ярчайших страниц жизни этого общества, а его Приморский филиал стал без преувеличения «арсеньевским»!

Научная значимость работ В. К. Арсеньева еще недостаточно оценена. Недоброжелатели и завистники упрекали его в том, что он самоучка. Университетского диплома В. К. Арсеньев не имел, это верно, но было бы по меньшей мере странно подвергать сомнению исключительную высоту уровня его знаний. Впрочем, приведем здесь несколько высказываний. Польский этнограф С. Понятовский, которому В. К. Арсеньев в 1914 г. помог в этнографической работе, в сборе и отправке коллекций в Варшаву, писал: «Это ему (Арсеньеву.— Ю. М.) удалось сделать с большим успехом, потому что, как он мне сам наивно сказал, из 33 университетских курсов по естествознанию он проштудировал 28 или 29 с прилежанием усердного студента» [37, с. 132]. В письме В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу читаем: «Я очень рад, что самостоятельное изучение... наук... значительно расширило мои горизонты» [17, с. 149]. (Он штудировал нужные книги по два-три раза еще в юнкерском училище [26, с. 30—34].) Высокий уровень его знаний отмечали все, когда-либо работавшие с ним [1, с. 18—22]. Уже первая работа В. К. Арсеньева — «Краткий военно-географический и военно-

статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911 гг.» — это прежде всего научный труд. Не станем здесь давать оценок его последующим работам, скажем только, что интересы Владимира Клавдиевича уходили далеко за пределы Приморья: его, например, привлекали проблемы славяноведения [5].

Систематичность и точность в работе ученого были исключительными. Во всех своих путешествиях он вел дневники, даже тогда, когда он и его спутники оказывались в отчаянном положении — зимой, в тайге, без какого бы то ни было продовольствия. Работал он много и тщательно, многократно переделывая рукописи, сверяя материал с научными монографиями, консультируясь со специалистами, рассылая многочисленные письма с вопросами. Изучение стиля и методов работы В. К. Арсеньева — особая дидактическая проблема. Между прочим, о точности и пунктуальности ученого в работе свидетельствует и такой факт. В библиотеке Музея антропологии и этнографии в Ленинграде есть несколько оттисков с дарственными надписями Владимира Клавдиевича⁴, и в каждом из этих оттисков — рукописные вставки и вклейки с машинописным текстом, поправками к тексту, который по мнению ученого, был не лучшим образом подготовлен редактором.

Немаловажная особенность работы В. К. Арсеньева — ее чрезвычайная интенсивность. Даже если говорить только об этнографии и только об одном из ее аспектов — сборе коллекций, то обнаружится, что один ученый действовал как целое этнографическое учреждение, собирая этнографические материалы и для выставок (на Дальнем Востоке, в Москве и Петербурге) и для музеев (Хабаровского и Владивостокского, в Петербурге — Ленинграде — МАЭ и ГМЭ — и в Москве)⁵. А ведь с подобной же интенсивностью он работал и в других областях науки и практики⁶.

Сейчас открываются такие черты личности Арсеньева, которые раньше либо оставались в тени, либо вовсе не были замечены, ибо его громкая слава путешественника и писателя очень часто заслоняла многогранность всей его деятельности. Как это ни покажется парадоксальным, лишь принадлежность В. К. Арсеньева к писательскому цеху и к когорте путешественников получила достаточное подтверждение в литературе о нем [1; 26; 41, с. 179—248], а между тем географы склонны считать

---

⁴ Мы предполагаем опубликовать автографы В. К. Арсеньева в отдельной заметке.

⁵ Уместно здесь сказать о том, что это были дары. В. К. Арсеньев писал Л. Я. Штернбергу в 1913 г.: «Свои сборы по этнографии я *никогда не продаю*, а жертвую. Продажу вещей в музеи я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно» [9, с. 219].

⁶ Вспомним лишь об одном факте в связи со сказанным: только в Ольгинском районе в 1910—1912 гг. В. К. Арсеньев описал, положил на карту и сфотографировал 228 памятников археологической старины.

его прежде всего географом, этнографы — этнографом и писатели — писателем. Факт достаточно красноречивый.

В последнее время обнаруживается богатство вклада В. К. Арсеньева в этнографическое изучение Дальнего Востока (серия работ А. И. Тарасовой [44; 46]). В то же время, например, значение его географических работ остается вне рассмотрения. Историк географических исследований русского Дальнего Востока А. И. Алексеев заметил, что В. К. Арсеньев «как географ... всерьез не рассматривался» [2, с. 82].

Один из незатронутых аспектов исследования — исторические взгляды В. К. Арсеньева. Сейчас, как никогда, следует помнить о его исторических работах («Материалы по древнейшей истории Уссурийского края», «Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношении», «Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири» и др.). Это особенно важно в связи с интенсивными археологическими исследованиями, ведущимися советскими учеными.

Отдельно в цикле исторических работ В. К. Арсеньева должно рассматривать тему о китайцах в Уссурийском крае, нашедшую выражение и в виде статьи, и в виде монографии (переведенной, кстати сказать, на немецкий язык сразу же по выходе), и в виде отдельных заметок, разбросанных в других его работах. Эта тема решена ученым глубоко исторично, его материалы и выводы имеют самое актуальное значение в наши дни (см. статью Петрицкого в настоящей сборнике).

Но чем бы ни занимался В. К. Арсеньев, он всегда оставался патриотом и гуманистом. О гуманизме В. К. Арсеньева говорят почти все, знавшие его лично (специально об этом говорил в некрологе Н. Каргер [24, с. 135—137]), упоминают об этом позднейшие исследователи (А. И. Тарасова, И. Кузьмичев и др.). Задача в настоящий момент состоит в том, чтобы раскрыть личность Арсеньева-гуманиста и Арсеньева-патриота в ее становлении, развитии и мировоззренческой цельности.

Именно общегуманистическое мировоззрение В. К. Арсеньева привело его от неистовой жажды познания новых земель к столь же неутолимой жажде постижения людей, населяющих эти земли. Этнография постепенно раскрывалась перед ним как «венец всех наук», ибо именно этнография изучает все расы, народы и племена как составную часть человечества, не делая различий между ними, именно этнография дает возможность ощутить истинно человеческую высоту духа на тех ступенях развития культуры, которые, с самодовольной точки зрения более развитого этапа, ничего подобного обнаружить не могут (вспомним высоту «вселенской души» Дерсу Узала, почти первобытного охотника!), именно этнография помогает увидеть и понять органическое единство человека и природы, которое, если оно нарушается, оказывается пагубным для обоих звеньев этой великой экологической системы.

Гуманизм В. К. Арсеньева постоянно проявлялся при общении с коренными жителями, которых Владимир Клавдиевич не столько изучал, сколько познавал, не уставая удивляться цельности и благородству их натур, приспособленности их культуры к условиям среды. Вместе с тем он постоянно боролся за улучшение их жизни, прилагал усилия к тому, чтобы помочь их культурному росту. Об этом свидетельствуют и его работы, и многочисленные служебные рапорты и доклады (см., например, [8, с. 168—169], а также с. 48—56 в настоящем сборнике). Среди коренных жителей имя В. К. Арсеньева стало легендарным еще при жизни ученого, и не удивительно, что в апреле 1917 г. Первый областной съезд представителей местного самоуправления единогласно избрал Владимира Клавдиевича комиссаром по инородческим делам.

В гуманизме Арсеньева гармонично сочетались любовь к человеку и любовь к природе, которую Владимир Клавдиевич удивительно чувствовал. Об этой арсеньевской черте очень метко сказал В. Лидин: «Я не знаю во всей литературе о Дальнем Востоке более тонкого ощущения тайги, более чуткого слуха ко всем ее шорохам, более поэтического слова о всех ее красках» [29, с. 94]. В. К. Арсеньев был склонен к одухотворению природы, видел в ней живой, вечно меняющийся и обновляющийся организм. «В Арсеньеве было больше Дерсу, чем в диком гольде», — заметил М. Пришвин [цит. по 26, с. 169]. Подход В. К. Арсеньева к природе имел несомненно философскую и притом высокоэстетическую окраску.

Поразительно совпадение нравственной позиции В. К. Арсеньева с «этикой благоговения перед жизнью» великого немецкого гуманиста Альберта Швейцера, на что первым, как нам известно, обратил внимание И. Кузьмичев [26, с. 171—172]. Не будучи ученым-философом, В. К. Арсеньев не выразил своего отношения к природе и человечеству в философских сочинениях, но все его научно-художественные произведения отразили его глубоко философское отношение к жизни.

В. К. Арсеньев идеализировал жизнь на лоне первобытной природы, общественные отношения и нравственные устои первобытных народов и скептически относился к возможности гармоничного сочетания прогресса технического и живой природы. Но он неустанно боролся за максимальное и разумное использование богатств природы, за сохранение их для человека. Это В. К. Арсеньев был инициатором создания природных заповедников на Дальнем Востоке, в Приморье, на Камчатке, на Командорах; широко известна его практическая работа в качестве младшего инспектора рыболовства на Дальнем Востоке, а затем и старшего инспектора по морским и звериным промыслам на Дальнем Востоке.

«Арсеньев принадлежал к тому типу неутомимых, никогда не успокоенных русских людей, какими были Пржевальский,

или Миклухо-Маклай, или мореходы вроде Невельского,— писал В. Лидин.— Все молодые и зрелые годы прошли в скитаниях, в познании жизни, в неутомимых поисках того, что прежде всего должно служить интересам родного народа. Эта сторона их деятельности всегда была глубоко патриотичной. Второе — это была наука» [29, с. 92]. Для биографов В. К. Арсеньева здесь непочатый край для исследований, ибо патриотизм ученого был не только глубоким и всесторонним, но и весьма действенным: это и неутомимая разносторонняя работа для блага Родины, и отказ покинуть Россию в трудные годы [46, с. 144], и помощь коренному населению, и защита щедрой дальневосточной природы, и стремление поставить ее на службу народу. Освоению ресурсов Дальнего Востока посвящены многие его специальные работы⁷. Этой же задаче в той или иной мере подчинялись и все его экспедиции. В. К. Арсеньев был председателем Бюро по созыву Краевой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока и сделал на этой конференции (состоялась в Хабаровске в 1926 г.) ряд докладов и сообщений⁸. Он вел огромную практическую работу: с 1926 г. как глава экспедиции Наркомзема СССР по изысканию земельных фондов для колонизации, с 1930 г. как начальник Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей и т. д.

От первого «Чертежа реке Амуру» (середина XVII в.) и «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова (рубеж XVII—XVIII вв.) до подробнейших карт и планов, составленных В. К. Арсеньевым, среди которых и его знаменитая карта площадью 16 кв. м и масштабом 5 верст в дюйме [39], прошло почти 300 лет. Там, где шумела вековая тайга и были лишь звериные тропы, там, где впервые прошел В. К. Арсеньев, с тем чтобы открыть эти просторы для их хозяйственного освоения,— там теперь развернулось широкое промышленное строительство, строится новая жизнь. Экспедиции, научные разработки, практическая работа Владимира Клавдиевича в немалой мере способствовали тому. Люди не забыли этого замечательного человека. Здесь, на Дальнем Востоке, имя Владимира Клавдиевича Арсеньева носят многие географические пункты

⁷ Вот названия некоторых из них: «Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока»; «Население Дальнего Востока как производительный фактор»; «Северное побережье в колонизационном отношении»; «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» и др., не считая добрых двух десятков статей по конкретным экономическим и охотоведческим вопросам.

⁸ Сейчас чудовищными кажутся некогда возводимые на В. К. Арсеньева обвинения в том, что он был «выразителем идей великодержавного шовинизма», «ученым с реакционно-шовинистическим мировоззрением», что «его труды — не развитие этнографии, а движение вспять», что «новое слово его как художника преувеличено критиками» и что «апологетическая точка зрения Горького неверна и является отступлением от марксизма» и т. д. (подробнее см. [41, с. 189—191]; см. также с. 49—50 в настоящем сборнике).

(см. настоящий сборник, с. 91—92). Однако «Арсеньев и нынешний день советского Дальнего Востока» — особая и большая тема.

Нравственный облик В. К. Арсеньева все более привлекает сердца и умы его читателей. Произведения его постоянно переиздаются, ибо они не теряют своей жизненности. Знаменательно, что в 1944 г., в трудные годы войны, роман «Дерсу Узала» был вновь издан в Москве весьма значительным по условиям военного времени тиражом — 50 тыс. экземпляров [7]. Авторитет Арсеньева как знатока Дальнего Востока со временем не уменьшается, а в ряде аспектов растет. Когда в 1956 г. в ФРГ издавали книгу Ф. Альберта «Лесные люди удехе», в нее включили предисловие В. К. Арсеньева, написанное им к его же брошюре «Лесные люди удэхейцы» (вышла во Владивостоке в 1926 г.). В авторском предисловии Ф. Альберта говорится: «Этот труд, в котором собраны все заметки, большая часть названной брошюры [В. К. Арсеньева] и устно сообщенные им (Арсеньевым.— Ю. М.) наблюдения над удехе и орочами, должен быть посвящен памяти В. К. Арсеньева и должен служить вкладом в дальнейшее изучение маньчжуро-тунгусских народов» [52, 7].

Авторитет Арсеньева-путешественника, «следопыта Дальнего Востока» [20], Арсеньева-писателя, «исследователя и певца земли дальневосточной» [44] теперь подкрепляется неуклонно растущим авторитетом Арсеньева-ученого, энтузиаста музейного дела, общественного деятеля, практического работника. И все это сливается в авторитет личности В. К. Арсеньева — гуманиста и патриота, человека, на долю которого «выпало счастье сделать наш мир богаче» [29, с. 91].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. — В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
- 2 Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX века). М., 1976.
- 3 Алексеев А. И. Хожение от Байкала до Амура. М., 1976.
- 4 Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). — «Землеведение». Т. XXXII. Вып. III—IV. М., 1930.
- 5 Аристова Т. Ф. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению. — «Советское славяноведение». 1972, № 6.
- 6 Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Владивосток, 1923.
- 7 Арсеньев В. К. Дерсу Узала. М.—Л., 1944.
- 8 [Арсеньев В. К.]. Доклад В. К. Арсеньева Приамурскому генерал-губернатору о необходимости наделения землей коренного населения Южно-Уссурийского края от 10 января 1912 г. Публикация А. И. Васиной. — «Дальний Восток». 1961, № 1.
- 9 Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
- 10 [Арсеньев В. К.]. Письма В. К. Арсеньева к Д. К. Анучину. Публикация и комментарии А. Васиной. — «Сибирские огни». 1963, № 3.
- 11 Арсеньев В. К. Сочинения. Т. 1—6. Владивосток, 1946—1949.

12. Берг Л. С. Рыбы бассейна Амура. СПб., 1909.
13. Бутурлин С. А. Птицы Приморской области (сборы 1906—1910 гг. В. К. Арсеньева).— «Орнитологический вестник». 1915, № 2.
14. Васина А. (публикация, вступление и примечания). «Эта монография — цель моей жизни».— «Сибирские огни». (1972, № 9. См. также: Тарасова А. И.
15. Владимир Клавдиевич Арсеньев (документы к биографии). Подготовили к печати В. Г. Виноградов и С. Ш. Бурнатная.— «Дальний Восток». 1961, № 1, 2.
16. Воробьев М. В. О месте В. К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи).— «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 105, 1973. Вып. 6.
17. Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
18. Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии).— «Советская этнография». 1971, № 2.
19. «Дальний Восток». Владивосток.
20. Довбыш Л. К. Следы Дальнего Востока.— «Природа». 1972, № 9.
- 20а. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
21. Кабанов Н. Е. [сост.]. Аннотированный список печатных работ В. К. Арсеньева.— Арсеньев В. К. Сочинения. Т. 6. Владивосток, 1949.
22. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник и натуралист, 1872—1930 (Московское общество испытателей природы. Историческая серия № 29). М., 1947.
23. Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх.— «Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1928». № 15. Л., 1929.
24. Каргер Н. В. К. Арсеньев (Некролог).— «Советский Север». 1931, № 1.
25. Комаров В. [Рец. на:] В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. В. К. Арсеньев. Дерсу Узала.— «Известия Русского географического общества». Т. LVI, 1925. Вып. 2.
26. Кузьмичев И. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977.
27. Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975.
28. Куренцов А. И. Линия Арсеньева в биогеографии Сихотэ-Алиня.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». № 1 (XXIV). Владивосток, 1965.
29. Лидин В. Люди и встречи. [М.], 1965.
30. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.
31. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—1855. М., 1947.
32. Огнёв С. И. Звери СССР и прилегающих стран. Т. IV. Грызуны. М., 1940.
- 32а. Памяти Льва Яковлевича Штернберга.— «Записки Приморского филиала Географического общества СССР». Т. XXV, 1966.
33. Пермяков Г. Г. Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве. Хабаровск, 1965.
34. Петряев Е. Д. Впереди — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968.
35. Петряев Е. Д. Н. В. Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита, 1960.
36. Петряев Е. Д. Из наследия В. К. Арсеньева (К 90-летию со дня рождения писателя).— «Дальний Восток». 1962, № 5.
37. Полевой Б. П. Этнограф С. Понятовский о В. К. Арсеньеве.— «Дальний Восток». 1976, № 9.
38. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф.— «Советская этнография». 1972, № 4.
39. Полевой Б. П., Утин Г. Н. Находка карты В. К. Арсеньева.— «Дальний Восток». 1976, № 11.

40. Пришвина В. Д. Пришвин и Арсеньев.— «Охотничьи просторы». 1969, № 26.
41. Пузырев В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (20-е годы).— «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института». Т. XXV, 1969. Вып. 3.
42. Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952.
43. Страны и народы Востока. Вып. XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М., 1975.
44. Тарасова А. Исследователь и певец земли дальневосточной.— «Земля и люди». М., 1972. См. также: Васина А. И.
45. Тарасова А. И. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева.— «Советские архивы». 1973, № 6.
46. Тарасова (Васина) А. И. Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке.— «Очерки истории русской этнографии и фольклористики и антропологии». Вып. VI. М., 1974.
47. Фадеев А. А. О литературном труде. М., 1961.
48. Финк В. Литературные воспоминания. М., 1963.
49. Шулгина Т. С. Материалы к биографии Николая Александровича Пальчевского (1862—1909).— «Материалы и исследования по истории Дальнего Востока». Владивосток, 1974.
50. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
51. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.—Л., 1946.
52. Albert F. Die Waldmenschen Udehe. Forschungsreisen im Amur- und Ussurigebiet. Darmstadt, [1956].